

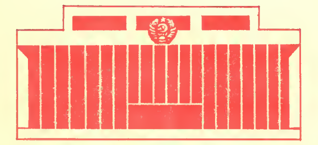
КРОКОДИЛ

ПОСУДА
СТАНКИ
ПОСУДА
ТКАНИ
ОБУВЬ
МЕБЕЛЬ
ТЕЛЕВИЗОР
СССР

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

№ 8 МАРТ 1976

Евгений ДУБРОВИН, специальный корреспондент Крокодила

воспоминание о прошлом и размышление о будущем

ВО ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ

ва цвета забили все остальные: красный и белый. Флаги и снег. Иней на деревьях Кремля отдает розовым. На стеклах идущих машин алые блики. Красный день...

Он и в самом деле красный. Почти весенний ветер упруго выгибает грудь транспарантам, словно стартовым лентам:

ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ XXV СЪЕЗДА КПСС!

Событие, к которому страна готовилась целых пять лет. Итог громадного труда государства. Старт в завтра.

Утро. В зале Дворца съездов тоже преобладают две краски: красная и белая. Красные кресла и залитый мягким серебристым светом потолок.

Опускаюсь в красное кресло, достаю авторучку и блокнот. Вокруг множество людей делают то же самое.

Перо фельетониста устроено особым образом. Оно не привыкло к громким словам. Но эти слова из Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии невозможно не записать:

«Под руководством Коммунистической партии в девятой пятилетке сделан новый крупный шаг в создании материально-технической базы коммунизма, в повышении уровня жизни народа, в обеспечении безопасности страны. Таков политический итог экономической деятельности партии в период между XXIV и XXV съездами. Таков главный результат героического труда советских людей».

Но это уж в характере советских людей — не останавливаться на достигнутом. Надо идти дальше. А чтобы идти дальше, надо знать, что мешает, что устарело, что необходимо усовершенствовать.

Об этом доклад. Об этом мысли всех присутствующих. И тут есть над чем потрудиться и фельетонистам. Записываю в блокнот:

«Из-за неполного использования производственных мощностей мы из года в год недополучаем продукции на многие миллиарды рублей».

...Каждый день, идя на работу, я прохожу между двумя ящиками. Эти ящики настолько огромны, что между ними всегда сквозняки, как в ущелье. Они поставлены как раз напротив проходной завода, и рабочие, устремляясь в двери, обтекают их, словно гигантские айсберги.

Мимо ящиков я хожу уже четвертый год. Мне знакома на них каждая надпись, каждая трещинка. Сначала по бокам ящиков были изображены огромные черные рюмки (наверно, с «Портвейном-72») и строгие надписи: «Осторожно! Не кантовать!» Но солнце, дожди, ветер, метели сделали свое дело. Первыми исчезли рюмки (может быть, под влиянием антиалкогольной кампании), затем слово «не» (осталось: «Осторожно! кантовать!»), потом стерлось «кантовать». Дольше всех держалось «Осторожно!». И это было своевременное предупреждение, так как мимо ящиков стало опасно ходить. Доски разошлись, провисли и в ветреный день скрипели и раскачивались, словно крылья ветряной мельницы.

Обнажилось что-то голубое, хромированное, с глазастыми приборами.

Однажды, проходя мимо, я услышал разговор двоих.

— Реостат здесь что надо!

— И альтиметр ничего.

Спустя сутки на приборной доске зияли два отверстия с болтающимися проводами, словно вырвали глаза и остались нервы.

С каждым месяцем число хромированных и глазастых деталей уменьшалось.

«Неужели на заводе нет места этому оборудованию? Зачем его тогда заказывали? — теснились в моей голове дилетантские вопросы.— Или про него просто-напросто забыли?»

Но про оборудование не забыли. Однажды возле ящиков остановился человек в каракулевой шапке, достал блокнот и стал что-то записывать, шевеля губами.

— Ваши? — кивнул я на ящики.

— Ну,— ответил человек неопределенно.

— Четвертый год стоят. Надо бы их куда-нибудь пристроить.

— А ты кто такой будешь? — буркнул человек в каракулевой шапке.

— Да просто прохожий.

— Если прохожий, так топай себе дальше.

— А если нет?

— Кто? — насторожился человек.

— Допустим, корреспондент.

Я представил удостоверение. Человек в каракуле сразу стал любезным и словоохотливым.

— Понимаете,— сказал он,— это очень ценное оборудование. Мы добивались его поставки три года. Но вот разместить негде. Думали снести пристройку, но на снос пристройки не дают санкции соответствующие инстанции.

— М-да... Ситуация.

Мы оба задумались.

— Послушайте,— вдруг осенило меня.— А если вон туда? — Я кивнул в сторону пыльного окна, где громоздились груды каких-то пустых ящиков.

— Но там же склад... Тара...

— А тару — во двор!

— Во двор?

— Ну да! — уже радостно воскликнул я.— Во двор ее, к чертовой бабушке!

Человек обалдело уставился на меня. Потом лицо его просияло, и он хлопнул меня по плечу.

Через день оборудование убрали. Теперь я хожу мимо проходной, меня не обдувает сквозняком, ничто не угрожает моей жизни, но целый ряд вопросов не дает мне покоя.

Почему человек в каракулевой шапке не заинтересован в обновлении техники на заводе? Он ретроград? Консерватор? Враг самому себе? Сумасшедший? Может быть, на заводе система контроля поставлена так, что этот человек вместе со своими ящиками оказался вне контроля, так сказать, сделался неуправляемым? Или он просто-напросто не заинтересован в повышении эффективности производства своего предприятия ни морально, ни материально?

Через некоторое время на том же месте я увидел новый гигантский ящик. Он стоит там и до сих пор.

«Огромные резервы заложены в улучшении качества и ассортимента продукции. В прошлом году, например, выпуск кожаной обуви составил около 700 миллионов пар — почти три пары на человека. И если спрос на обувь еще не удовлетворяется, то дело не в количестве, а в том, что не хватает высококачественной, модной обуви».

...У меня шесть пар обуви. Одна пара импортная и пять пар отечественного производства. К импортной паре у меня никаких претензий нет. Зато остальные пять пар постоянно портят мне настроение. То вдруг в самое неподходящее время отвалится подошва, то вдруг вылезет гвоздь и ты плетешься домой, припадая на ногу, то неожиданно оказывается, что прочные на вид, непотопляемые, словно современные ракетоносцы, осенние туфли начинают течь от попадания даже в самую незначительную лужицу.

Пары постоянно в починке. Сапожники яростно набрасываются на них, колотят молотками, орудуют гвоздодерами, но пары от этого не становятся лучше. Они по-прежнему текут и разваливаются. Загадочные, как сфинксы, они каждый раз, когда я открываю обувной шкаф, таращатся на меня из тьмы, скаля зубы и строя мне рожи. Держать их в доме не имеет никакого смысла, так как эти пять пар ужасно прожорливы (одна починка в две недели!), но и выбросить жалко: все-таки затрачены немалые деньги.

Шесть пар обуви! Я в два раза перекрыл норму. Значит, именно я заставляю в бешеном темпе работать наши обувные фабрики, заваливаю склады магазинов продукцией, впустую расходую драгоценное сырье.

А если дать заводам передышку? Если продержаться на двух парах в год? Тогда фабрики перестанут гнать с такой страшной силой вал, обратят внимание на качество, и трех пар высококачественной обуви на человека вполне хватит.

Но ходить весь год в латаных башмаках?.. Нет, это не выход...

В чем же тогда выход? Наверное, в том, чтобы предприятие и морально и материально было заинтересовано в выпуске высокопрочных, непотопляемых, непромокаемых, в конце концов просто нормальных башмаков.

«Еще острее проблема качества работы, внимания к потребителю и его запросам стоит в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании».

Как-то я гулял вечером в парке, и мне захотелось перекусить. Все столовые и кафе были уже закрыты (почему-то точки общественного питания закрываются именно в такое время, когда человеку хочется есть). Оставался открытым один маленький ларек, в котором продавались консервы и кефир навынос. Кроме того, на витрине лежала большая глыба аппетитной, посыпанной красным перцем буженины.

Мишель ЭРБЕР (Франция)

Предложение

Господин Легро, владелец фирмы «Легро и компания», закончил диктовать письмо и кивнул своей секретарше мадемуазель Сюзетт:

— Перепечатайте, как обычно, в двух экземплярах.

Девушка направилась к двери, но снова вернулась.

— Вы хотели мне что-то сказать? — поднял голову от бумаг глава фирмы.

— Мсье Легро, я выхожу замуж.

— Прелестно, дитя мое. И за кого же?

Мадемуазель Сюзетт вдруг заплакала.

— Господь с вами, что случилось? — воскликнул мсье Легро.

— Я... я...не знаю, за кого... выхожу замуж, — пробормотала девушка.

— То есть как не знаете?

— Спросите, — всхлипнула мадемуазель Сюзетт, — у Эжезипа...

Заместитель главного бухгалтера Эжезип явился через пятнадцать секунд. Похоже было, что он уже ждал за дверью.

— Что это значит?! — вскричал мсье Легро. — Почему вы должны объяснять мне, за кого выходит моя секретарша?

— Успокойтесь, мсье, я вам действительно все объясню. Мадемуазель Сюзетт выходит за вас. То есть, я хочу сказать, за меня.

— И давно вы рехнулись?

— Мсье, я полностью отвечаю за свои слова. Вы холостяк и платите соответствующий налог со своих доходов. Это с одной стороны. С другой стороны, мне нравится Сюзетт...

— Вы будете сами ложиться в клинику или вызвать машину?

— Минуточку терпения, мсье Легро. Итак, вы платите подоходный налог холостяка. Если бы у вас была жена, вы платили бы намного меньше.

— Но я не собираюсь жениться, и, кроме того, я тратил бы значительно больше, чем сэкономил...

— Совершенно верно. Поэтому я предлагаю, чтобы вы женились, не женясь. Не нужно, не звоните никуда, а выслушайте меня. Я люблю Сюзетт. Вы женитесь на ней и экономите на налогах. Она же живет со мной и не стоит вам ни франка. Понимаете?

— Гм... Ну, а вы, вы-то что выигрываете на этой комбинации?

— Видите ли, мсье Легро, я думал, что вы сможете прибавить мне хотя бы пятьсот франков в месяц. Семейная жизнь требует таких расходов...

— Гм, Эжезип, вы же знаете, как я отношусь к прибавкам зарплаты своим служащим. Я всегда против них.

— Весьма сожалею, мсье Легро, в таком случае...

— Обождите, Эжезип, обождите... Я как раз подумывал о том, чтобы найти себе заместителя...

— О, благодарю вас, шеф, я рад, что вы проявили великодушие!

— Великодушие? Я просто подсчитал, сколько я сэкономлю на налогах...

Перевела Ф. ПОДБЕРЕЗСКАЯ.

— Когда ты шьешь, я же не вмешиваюсь!

«Се», Швеция.

«Ойленшпигель», ГДР.

— Не забудь зайти сегодня в банк!

«Эпока», Италия.

— Да, мама, уверяю, Роберту очень понравился твой галстук...

«Биллед-бладет», Дания.

Мать говорит дочери:

— Помни, что ни одна женщина не может быть так плоха, чтобы она не могла считаться лучшей половиной своего мужа!

●

В конторе общества охраны животных раздается телефонный звонок.

— Приезжайте немедленно, — взволнованно говорит чей-то голос, — в нашем саду на дереве сидит почтальон и дразнит нашего дога!

●

Пассажир скорого поезда обратил внимание на то, что поезд слишком часто останавливается.

— Почему мы опять стоим? — спросил он у проводника.

— На рельсах корова разлеглась.

— Корова? Но мы уже останавливаемся сегодня пятый раз. Здесь что, много коров?

— Нет, это та же самая. Мы снова ее догнали.

●

На пляже полицейский упрекнул юную девушку в крохотном бикини:

— Что бы сказала ваша мать, увидев вас в этом костюме?

— Она бы многое сказала, — бойко ответила девушка. — Это ведь ее бикини...

●

— Твоя жена умеет готовить?

— Готовить-то она умеет, только я не умею есть то, что она готовит.

●

— Вы что, собаку себе завели?

— Да нет, с ней слишком много возни. Когда ночью слышны подозрительные звуки, мы лаем сами...

●

— Старею, старею, — жалуется пан Кубала.

— Что делать, — утешает его приятель, — это единственный способ прожить долго.

●

— И потом, — рыдая, рассказывает жена, — муж ушел купить мне сумочку и так и не вернулся. Что бы ты сделала на моем месте?

— Купила бы новую сумку.

●

— Опытный дрессировщик может научить свою собаку практически всему. Я, например, приучил свою собаку Альму не лежать под диваном, а это было ее любимое место.

— И как же это вам удалось?

— Очень просто: я отпилил от дивана ножки.

Людо ЗЕЛИЕНКА (Чехословакия)

Как ловить зайцев

(Из рассказов бывалых охотников)

Собрались мы, как обычно, вечером, и один из самых заядлых наших охотников — Мишо — сдул пену с кружки пива, отпил глоток и молвил:

— Конечно, подстрелить ушастого и изъять его из зубов верного песика — дело, слов нет, почетное и приятное. Но я, особенно в студеную зимнюю пору, предпочитаю свой наивернейший способ охоты на зайцев. Ночью, в трескучий мороз, когда нет ни малейшего ветерка и луна прячется за тучами, я зажигаю на опушке леса толстую свечу. Ее огонек тут же замечают все зайцы в лесу. Их как магнитом тянет к огню. Каждый норовит подобраться к свече как можно ближе, а некоторые даже усы опаляют. Яркий свет раздражает их глаза, у них начинают капать слезы. Капают, капают да так намочат зайцев, что те накрепко примерзают к снегу. Ну, а потом уж практически делать нечего — отрывай их от снега за уши и складывай в мешок!

А вот дедушка мой свой способ имел, и тоже, надо сказать, безошибочный. Накупит старик, бывало, нюхательного табаку и посыплет им капустные кочаны. А зайца, как известно, икрой черной не корми — подавай ему капусту! Прибегут они ночью на огород и, нанюхавшись табаку, начинают чихать. Да как! Словно люди при гонконгском гриппе. До того, бывало, начихаются, что совсем из сил выбьются. Вповалку между грядками валяются, лапкой двинуть не могут. Ну-с, а дед, разумеется, тут как тут с мешком.

Однако должен признаться, что дед моей жены еще хитрее зайцев лавливал. Этот больше на снотворное нажимал. Напудрит люминалом десятка три-четыре отборных морковок и разложит их на полянке. Наивные зайцы, натурально, тут же набрасываются на деликатес, и не успеешь сосчитать до десяти, как они уже вовсю зевают и укладываются спать. Собирал заснувших зайцев дед моей жены тоже особым способом. Заяц, говорил он, хоть и снулый, а тоже индивидуальность имеет: один храпит, другой спит тихохонько. Вот он сначала собирал тех, кто громче всех храпел. Чтоб других, значит, не разбудили.

Даже дурню ясно, какое это было великое открытие, если бы дед смог широко внедрить его. В магазинах «Дары природы» всегда были бы в продаже живые, тепленькие зайцы. Да и охотникам никогда не пришлось бы возвращаться с охоты с пустым рюкзаком. Всегда можно было зайти в магазин и купить парочку-тройку спящих косых...

Да-а, жаль, не внедрил дед этот способ. Почему, спрашиваете? Да тут, понимаете, как раз вышло установление, чтобы снотворное по рецептам отпускали, вот ведь в чем дело!

Перевел Г. КОФМАН.

КРОКОДИЛ

№ 8 (2162)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Вайсборд, П. Воробьев, В. Жарков, Г. и В. Караваевы, Ю. Метельский, Е. Милутка, В. Розанцев, Ю. Степанов, В. Тильман, Ю. Федоров, Н. Щербаков, Н. Энтелис.

НАШ АДРЕС:

101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

■

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ

А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)

А. Б. ГОЛУБ

Б. Е. ЕФИМОВ

А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор)

Г. О. МАРЧИК (ответственный секретарь)

И. М. СЕМЕНОВ

М. Г. СЕМЕНОВ

С. В. СМИРНОВ

А. А. СУКОНЦЕВ

А. И. ХОДАНОВ

■

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

■

Рукописи не возвращаются.

■

Сдано в набор 18/II 1976 г. А 00878. Подписано к печати 1/III 1976 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 693 500). Изд. № 520. Заказ № 1902.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОКОДИЛ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА Индекс 70448 Цена номера 15 коп.